

Соточка

Банкомат выплюнул стопку купюр. Филиппов внимательно оглядел деньги. Среди новеньких двухсоток затесалась одна сотенная купюра – старого образца. Она не была потрёпанной и выглядела очень даже прилично, но всё равно как-то не вписывалась в эту симпатичную пачку розовеньких хрустящих бумажек. Профессиональный взгляд бывшего кассира моментально уловил еще один дефект неприглянувшегося дензнака – в уголке его виднелся нечёткий тёмно-синий оттиск в виде странного вензеля с характерным хвостиком. Филиппов не любил такие следы на купюрах, и когда работал в банке, всегда старался от «меченых» денег избавляться. Укоренившись, эта привычка, как и многие другие, приобретённые за годы работы с финансами, перекочевала в новую жизнь бизнесмена.

- Ты их ещё понюхай, - предложил однажды Филиппову его зам, когда увидел, как босс священнодействует над столом с банкнотами. Все купюры рассортированы по пачкам и выложены лицевой стороной внутрь – такая милая сердцу Филиппова картинка у его заместителя вызывала только иронию. Удивляясь причудам своего босса, тот не без оснований полагал, что деньги нужно делать из всего возможного и невозможного, что каждое телодвижение должно приносить деньги, а уж как они там разложены и в каких купюрах, это, как говорится, дело третье. Но бухгалтерско-кассирское нутро никак не примиряло Филиппова с этой простой истиной, и, как уже случалось раньше, на этот раз он опять отложил не понравившуюся ему сотку в другое отделение бумажника.

«Надо будет её быстрее потратить», - промелькнуло в голове, и в следующую секунду созрел чёткий план по эффективному избавлению от сотенной купюры. Через час Филиппову предстоял визит к одному большому чиновнику, который, разумеется, небескорыстно продвигал его бизнес-интересы. Предоплата уже была произведена, а всё остальное, как и было уговорено, государеву слуге причиталось после завершения совместной операции. Сегодня по графику не намечалось никаких расчётов, так что сотка, понятное дело, предполагалась не ему, тем более что гонорары радетеля за предпринимательские судьбы исчислялись совсем другими суммами. Мозолившей глаза купюре предстоял обмен в каком-нибудь магазине на скромное подношение для секретарши чиновничьего бога. Хоть прижимистая натура Филиппова и бунтовала против такого расточительства, но он, попадая в высокие кабинеты, упорно не обходил

вниманием не только сидящих там важных лиц, но и особ, к ним приближённых. Прикормленная секретарша и бумаги никогда не потеряет, и соединит с руководством, когда нужно, да и так по мелочи подскажет что надо, поможет. Такие мелкие услуги приносили на поверку большую пользу - это первое, что чётко усвоил Филиппов, когда в один прекрасный день он распрощался с работой «на дядю» и открыл свое дело.

Дорога до министерства заняла больше обычного – пришлось в срочном порядке решить по телефону несколько неотложных вопросов, а потом ещё надо было вырулить из образовавшейся пробки. Прибыв на место, Филиппов обнаружил, что времени на шоппинг у него не осталось – не долго думая, он ткнул сотку в пустой конверт, закрыл машину и направился к выстроенной по последнему слову архитектуры стеклянной высотке.

«Давно бы так», - умилилась протянутому конверту секретарша, которую по традиции заваливали кондитеркой и стандартными наборами канцелярских товаров. Узрев в конверте непрезентабельную соточку, она уже не могла скрывать своей радости и с особым рвением начала отрабатывать полученные деньги, то есть ускорять процесс попадания благодарного посетителя в заветный кабинет. Не прошло и получаса, как на глазах у изумленной публики, собравшейся в приёмной, Филиппов гордо проследовал в распахнутые перед ним двери. Люди в очереди немного пороптали, но возмущаться во весь голос не рискнули – бывалые ходоки по высоким кабинетам, они знали, что дело это бесполезное.

Вечером в переполненной маршрутке секретарша Алёна долго прикидывала, на что потратить дармовой столик. Денег этих, как ни крути, на серьёзную покупку не хватало. «Даже на кофточку нормальную не выкроишь», - посетовала она про себя на стремительное обесценивание национальной валюты, а в списке первоочередных приобретений значились сапожки, сумка, новые перчатки тоже, обязательно кожаные ... Да и костюмчик ещё один при её работе был бы совсем не лишним. Но до аванса, похоже, ни один из пунктов вычеркнуть не получалось, так что удел сотки обозначился сам собой – дожидаться более существенного финансового поступления.

Как и большинство наших граждан, заначку свою Алёна хранила там, куда криминалисты категорически не советуют класть деньги – в книге. Ей же казалось, что надежнее «Сравнительной анатомии беспозвоночных» ни книги, ни места в их густонаселенной квартире не найти. Правда, сейчас среди пожелтевших страничек её тайника не было ни одной купюры. Ради купленного недавно пальто Алёне пришлось

опустошить не только свои золотовалютные резервы, но и залезть в святая святых – бабушкины сбережения, отложенные, как та говорила, на смерть. Разумеется, с бабушкиного согласия.

Придя домой, Алена первым делом прошла в большую комнату к шкафу – благо, вся семья в это время ужинала в кухне – вынула несколько книг из первого ряда, достала драгоценный учебник и положила в него купюру с вензельком. Заталкивая книгу обратно, вспомнила не без трепета, сколько сил, времени и денег она, будучи студенткой биофака, потратила на поиски этого ценного учебника, изданного ещё в 1940 году.

После ужина к Алене подкатил её шестнадцатилетний племянник Женька. Он всю жизнь считался проблемным ребёнком, и, соответственно, таковым и был. Особенно для своих родителей, которые неумолимо пытались из проблемного сына вылепить путного человека и терпели на этом поприще устойчивое поражение. Алёна была единственной в их семье, кто считал проблемным не Женьку, а его родителей, патологически не способных слышать и понимать своего ребёнка.

Последним показательным в этом плане шагом было решение Аленкиного брата «поступить» сына в финансово-экономический колледж, где у родителя был блат. «Надо быть полным идиотом, - подумала тогда Алена, - и не понимать, что Женькину творческую натуру ни к каким финансам и близко подпускать нельзя. Из него такой же специалист банковского дела, как из меня китайский царь». Но говорить об этом ни брату, ни его жене она не стала: несколько предыдущих её попыток подкорректировать воспитательный процесс племянника оказались абсолютно безуспешными, а резкое замечание брата из серии «своих детей заводи и учи» отбило у Алёны всякое желание совершать подобные попытки впредь. Но Женьку ей было жаль, поэтому как могла, она старалась поддерживать племянника.

На сей раз проблема у парня была самая что ни на есть финансовая – нужны были деньги, чтоб заплатить за контрольную по экономическому анализу, с которой – Алена в этом была уверена – Женьке никак не справиться, даже если он вывернется наизнанку.

Племянник заверил, что расходы по данному предприятию не превысят сотенный рубль, и сердобольная тетька, не долго думая, полезла в книжный шкаф за своим фолиантом.

Так посредством Женьки сотка с вензельком перекочевала в руки преподавателя по экономике Валерия Михайловича. Он вовсе не был вымогателем и взяточником, более того – в начале своей педагогической карьеры категорически отказывался от подобных

форм общения со студентами, чем, надо сказать, немало попортил им кровушку. Со временем стало очевидно, что эта никому не нужная принципиальность обернулась для Валерия Михайловича не только проблемами с неподдающейся обучению молодежью, но и конфликтами с коллегами. Из-за своей несговорчивости он даже умудрился попасть в немилость к руководству колледжа в лице замдиректора, которого как человека от природы гибкого поведение упрямого преподавателя буквально выводило из себя.

- Подходишь к нему, - жаловался замдиректора кому-то из своих приближённых, - говоришь, объясняешь, чуть ли не подмигиваешь – думаешь, ну понял же всё человек. Нет, на следующий день смотрю – у всех моих протезе стоят двойки.

Устав бороться с необратимыми процессами, Валерий Михайлович махнул рукой и решил быть, как все. Тем более, что лишние деньги оказались даже очень кстати. Работа над диссертацией занимала много времени, поэтому с репетиторством и прочими халтурками временно пришлось завязать, а они, как ни крути, были не только серьёзным подспорьем к его скромному жалованию, но часто по общим итогам выставляли это самое жалование в очень невыгодном свете.

Став педагогом-оборотнем, Валерий Михайлович всё-таки не сильно нагел и если видел, что у студента в голове хоть что-то варит, то к знаниям норовил его всячески поощрить: требовал пересдачи и конвертик игнорировал. А когда приходилось иметь дело с безнадёгами типа Женьки, то тут Валерий Михайлович, не мудрствуя лукаво, смело шёл по проторенной опытными коллегами дорожке.

От всяких угрызений совести он давно избавился, тем более что в семейном бюджете постоянно зияла огромная дыра из-за регулярных расходов на медицину. Года три назад они с женой задумали выяснить причину бездетности их уже пятилетнего на тот момент брака. Походили по врачам, что-то полечили, но безрезультатно. Решили прибегнуть к искусственному оплодотворению. Две попытки – и тоже неудача. А потом у жены начались какие-то осложнения, и все ресурсы – материальные и моральные – стали уходить на борьбу с этими осложнениями. Она уже второй год не работала, периодически попадала в стационар. Потом ей посоветовали какой-то очень эффективный санаторий, и Валерию Михайловичу пришлось тщательно скрести по всем сусекам, чтоб купить жене путёвку.

В последние пару месяцев движение за здоровье в силу отсутствия финансового обеспечения было приостановлено, и, как показалось Валерию Михайловичу, эта пауза

благотворно сказала на его половине – она немного поправилась, похорошела и даже перестала хандрить.

- Звонила сегодня Наталья Васильевна, - услышал Валерий Михайлович за ужином.

- Какая Наталья Васильевна?

- Гинеколог мой, Валера. Ты что забыл?

- А-а. И чего она хотела?

- Говорит, прийти показаться мне надо – давно не была, - потупив взор, проговорила жена.

- Иди, конечно. Может, у тебя уже и в порядке всё. Пусть посмотрит, - он одобрительно кивнул и открыл газету.

- Надо бы что-то ей дать, а то, ты же знаешь, промурыжит меня - то туда пойдешь, то сюда. В очереди потом продержит...

Валерий Михайлович кивнул, порылся в карманах и вынул полученную им сегодня откупную.

Наталья Васильевна Гороховская была неплохим врачом. Её ценили – и начальство, и пациенты. Говорят, чтоб с таким трепетом к тебе относились другие, надо сначала научиться любить и ценить себя самому. С этим у доктора Гороховской проблем не было, поэтому, когда страна, наскоро поменяв ходовую часть своего огромного эшелона, перебралась с широких путей на узкоколейку рыночных отношений, Наталья Васильевна решила, что имеет полное право внедрять эти отношения на своем рабочем месте. «Ни один уважающий себя человек, - дала она исчерпывающий анализ текущему моменту, - не будет работать за такие деньги». Так рассудив, быстренько рванула в платную клинику, но там у неё что-то не срослось, и, поджав хвост, предприимчивый доктор поспешила вернуться в свою женскую консультацию.

Развернув активную деятельность по самопродвижению, она быстро добилась того, что к ней стали приходить женщины не по участку, которых она, по идее, не обязана принимать. Понятно, что каждая из этих пациенток попадала на приём за определенную плату. Такой приток народа естественно создавал очереди, и законным пациенткам достаточно было один раз понаблюдать за странными манипуляциями в порядке очереди, чтобы осмыслить наиболее вероятные пути попадания в категорию пусть хотя бы не льготников, но первоочередников точно. У несогласных с такой постановкой вопроса выбора большого не было: или сидеть до новых веников, или идти к другому

врачу, а там опять-таки придётся платить – «чужого» просто так никто принимать не станет.

Жена Валерия Михайловича была принята своевременно – в предыдущие визиты Наталью Васильевну не обижали. Внимательный осмотр, вежливые рекомендации, пара рецептов, приглашение на повторный визит через месяц – и благодарная пациентка покинула кабинет, оставив на столе у врача полученную накануне от мужа купюру с загадочным оттиском.

Когда за последней пациенткой закрылась дверь, Наталья Васильевна обзрела свой необлагаемый налогом доход: денег оказалось достаточно, чтоб решить вопрос с курсами повышения квалификации, на которых она формально в данный момент находилась. Квалификация, как полагала Наталья Васильевна, у неё и так высокая, и на курсах, которые она посещала не раз в своей жизни, ничего нового ей не скажут и без неё там уж точно обойдутся. А вот какво без неё придётся целый месяц пациенткам бедным, да и как она проживет без них на одну-то зарплату, это как раз большой вопрос. С заведующей консультацией утрясать дело долго не пришлось – у той быстро нашёлся свой финансовый интерес в таком не совсем законном, но, в общем, достаточно невинном манёвре.

На следующий день «меченая» сотка вместе с другими купюрами была доставлена в институт последипломного образования руководительнице той группы, в которой Наталья Васильевна как бы повышала свой профессиональный уровень.

И опять не случилось приметной денежке быть потраченной банально на колбасу или селёдку, не расплатились ею за красивую причёску и не пропили, на худой конец, в каком-то баре. Ответственная за обучение докторов в тот же день отнесла полученную сотку на биржу труда. Её муж, который полгода вкалывал на каких-то чужеземных заработках, предусмотрительно перед отъездом оформился безработным. Дело верное – узнал он тогда от знакомых – и стаж трудовой идёт, и деньги какие-никакие каплют. Инспектор к ситуации отнеслась понимающе и великодушно позволила супруге приходить и отмечаться вместо мужа. За очень скромное, по сути, вознаграждение.

Выбора между брать и послать тех, кто дает, у милейшего инспектора Валентины Ивановны Раденко, по большому счету, не было. Жила она в пригороде, на дорогу тратила немало сил, а самое главное - средств. Таким образом зарплата, очень даже неплохая как для её поселка, на поверку оказалась скудным вспомоществованием. Плюс

к этому неработающий и пьющий муж – вот вам и финансовый кризис в одной отдельно взятой семье.

Поздним вечером, уставшая и разбитая, Валентина Ивановна прямо с корабля, то есть электрички, аккуратно подроспела на бал. Правда, неритмичные движения участников мордобоя на танец походили мало, но по количеству экспрессии и импровизаций это было, несомненно, первоклассное шоу.

Пока соседка вводила вновь прибывшую зрительницу в курс происходящего – причиной драки, дескать, стали расхождения в политических взглядах её участников – к Раденковскому двору подкатила милицейская машина. Дальнейшие события развивались по обычному сценарию: трех самых ярких участников представления быстро затолкали на места за решёткой и увезли в самом что ни на есть известном направлении.

Не мешкая, выдвинулись в ту же сторону и супруги несчастных жертв плюрализма мнений - выручать-то надо мужиков, не чужие ведь. Люди в пагонах оказались удивительно сговорчивыми и вернули Валентине Ивановне непутёвого мужа за совсем, можно сказать, символическую сумму, которая обнаружилась у неё в кошельке.

В руках лейтенанта многострадальная сотка задержалась недолго – на следующий день в качестве спонсорской помощи она была принята директором той школы, в которую человек в пагонах переводил своего сына-пятиклассника. Потом дочь директора, открывающая небольшой магазинчик у школы, расплатилась «меченой» купюрой с проверяющим из противопожарных органов, а тот, присовокупив полученное к отложенной заранее сумме, отстегнул регулярную дань своему начальству.

Дальнейшие путешествия приметного дензнака были самыми разнообразными: не единожды он всплывал в госучреждениях, побывал, конечно, на таможне и в ловких руках блюстителей порядка на дорогах. Всплыл однажды в детском саду, не обошёл своим вниманием налоговую инспекцию, коменданта студенческого общежития, роддом и даже сторожа, дядю Колю, который за означенную сумму согласился не заметить, как ловкие ребята вынесут с территории завода некоторое количество изготовленных там ферросплавов.

Спустя пару месяцев после начала своего триумфального шествия сотенная купюра с загадочным оттиском снова попала на глаза Филиппову. Он обнаружил её у себя дома мирно лежащей на тумбочке.

- Это мне мама оставила, - объяснила бывшему кассиру его дочь-студентка, - справку сегодня надо в медпункте сделать, чтоб за пропуски по физ-ре не влетело.

Филиппов продолжал разглядывать сотку и размышлять о том странном пути, который проходит самое универсальное мерило стоимости вещей, именуемое деньгами.

- Прикинь, отец, - дочь прервала его размышления. – А меня вчера воровкой в Интернете обозвали. Я спросила у народа в чате, где можно книжечку одну бесплатно скачать. И знаешь, что мне ответили? Бесплатно скачивать, оказывается, нельзя – это воровство. А если я хочу что-то почитать бесплатно, то надо идти в библиотеку. Представляешь?

Инна Клименко